

ЯРКИЙ ТАЛАНТ

(К 50-летию со дня рождения Г. ГАЛЫНИНА)

СЕРЕДИНА июня 1941 года, приемные экзамены в Московской консерватории. На экзамене по композиции общее внимание привлек к себе 19-летний Герман Галынин. Сыгранные им фортепианная соната (Третья, как объявил сам автор) и несколько номеров из музыки к «Саламанкской пещере» говорили о бесспорном и большом композиторском даровании. Раскрываясь перед слушателями с удивительной непосредственностью, сразу ярко, оно покоряло своей стремительной силой и броскостью. Следы увлечения Скрябиным (и немного Листом) не могли скрыть в музыке молодого композитора самобытное начало, обнаружившееся в мускулистой упругости фактуры, в напористом беге ритмов, в свежем радостно-дерзковенном характере звучания. Это впечатление жизненной энергии

и праздничной красочности в дальнейшем неизменно сопровождало каждой встрече с музыкой Галынина (определяя, пожалуй, самое главное в ее существовании).

А через несколько дней после экзамена началась война. И в консерваторию, когда в ней возобновились занятия, Галынин вернулся из армии. Поздней осенью 1943 года, в поношенной солдатской шинели, он был полон желания сочинять музыку и охотно играл товарищам многочисленные заготовки будущих сочинений (среди них были темы произведений, законченных гораздо позже — в частности, темы обоих фортепианных концертов, фортепианного трио, токкаты из фортепианной Сюиты и ряд других фрагментов).

Он принадлежал к числу редких талантов, которые в сво-

ем быстром развитии минуют многие этапы систематического школьного обучения и явно не очень нуждаются в нем.

Он был щедро одарен природой и от нее у него было все, что нужно композитору: природный творческий темперамент, природное чувство крепкой цельности и стройности формы, природный вкус к интонационной свежести и характеристичности. Природной была и его блестящая фортепианная техника крупного, несколько «токкатного» плана, запечатлевшаяся в его сочинениях. А самое главное — у него было свое, острое видение и слышание окружающего мира, своя мера вещей, что, собственно, и отличает в целом художника от других людей.

В самом различном окружении Галынин выделялся оригинальностью и яркостью своей натуры, чисто русской по складу и характеру. И здесь у него все было своим, все выражалось по-своему — самостоятельность оценок и суждений, высказывавшихся прямо и без обиняков, ясная очерченность симпатий и антипатий, неподдельная отзывчивость и доброта, размашистость и некоторая резкость внешних

манер, дар превосходного рассказчика, метко и с юмором схватывавшего все самое характерное, на редкость выразительный и образный язык.

Немного светлых лет творчества было отпущено композитору. И, тем не менее, он создал ряд значительных и ярких произведений, заслуживших широкую известность и признание, постоянно исполняемых и в наши дни. В числе их отмеченная Государственной премией «Эпическая поэма», фортепианные концерты, оратория «Смерть и девушка», камерные ансамбли и другие сочинения.

Длительная и тяжелая болезнь затруднила осуществление многих замыслов, затем наступила безвременная кончина композитора. Никто не может сказать, как и в каком направлении могло бы развиваться творчество Галынина. Несомненно одно — он мог бы еще умножить богатства отечественной музыки.

С. С. ГРИГОРЬЕВ.

«Сов. музыкант», 1972, 22/III